

«Высокое»: от имения к коммуне

По-разному сложились в послереволюционное время судьбы дворянских усадеб, в большом количестве имевшихся во всех уездах Псковской губернии. Одни из них подверглись разгрому и разграблению в период «аграрной революции» 1917-1918 гг., - даже признанные «Декретом о земле» «образцовыми» и призванные стать первичной базой «показательных хозяйств». Большинство же имений сохранились и стали местом расположения учреждений образования, здравоохранения, культуры, совхозов и первых коллективных хозяйств в форме коммун и артелей. К последним относилось и имение «Высокое», находившееся на территории Жадрицкой волости (в семи верстах от Опочки) и принадлежавшее дворянину Петру Александровичу Яновичу.

Имение это являлось типичным владением среднепоместного дворянина. В то время, как в губернии, так и в Опочечком уезде, ряд помещиков имели по 1000 и более десятин земли. П.А. Яновичу принадлежало лишь 354,1 десятины. И все же имение нельзя было отнести к числу бедных: под усадьбой и пашней находилось 160 десятин, немало имелось и лесных угодий – 158 десятин, развитое животноводство обусловило наличие 44 десятин пастбища и 31,7 десятин покоса.¹

Имению П.А. Яновича повезло: в 1917 г. оно разгрому не подверглось, материальная база его сохранилась, не затронули имение и «бури» гражданской войны, и уже в апреле 1918 г. в национализированном имении «Высокое» образовалась из бывших батраков коммуна с одноименным названием. В коммуну вступили 16 семей с 76 едоками, из которых 37 были трудоспособными. В распоряжение ее перешли жилые и хозяйственные постройки бывшей усадьбы, размеры которой были весьма внушительными (усадьба занимала площадь в 12 десятин), скот, живой и мертвый инвентарь, имевшийся в большом количестве. Проведенным в 1922 году обследованием коммуны было установлено, что при создании ее от бывшего владельца было получено 11 пароконных шведских плугов, 12 борон с железными зубьями, три пружинных бороны, 8 телег, 10 саней, 16 кос, а также конные грабли, косилка, паровая молотилка с локомотивом, жатка, веялка, нефтяной двигатель мощностью 3 л.с., сепаратор. Опираясь на такую базу, коммуна безбедно существовала несколько лет. То же обследование 1922 года установило, что за прошедшие четыре года коммуна новых орудий почти не приобретала, за исключением четырех пароконных плугов и двух пружинных борон. Аналогичным образом обстояло дело и со скотом: при организации в коммуне было 20 коров, три нетели, три быка, и все это тоже досталось ей от прежнего владельца: вступившие коммунары привели с собой лишь 6 коров. Имелось в коммуне и 15 лошадей.²

Не совсем типичным был и поступок дворянина П.А. Яновича: он не только остался проживать в одном из помещений своей бывшей усадьбы, но и вступил в коммуну. Правда, должность у него в этом коллективном хозяйстве была «барской»: он являлся секретарем коммуны и членом ее правления. Земельного

надела, как многие прежние владельцы имений в соответствии с действующими законами, он не получил, но пользовался всем, что было положено по Уставу коммуны ее членам.³

В октябре 1922 года в течение четырех дней специальная комиссия по поручению ГубЗУ проводила тщательное обследование коммуны, в результате была получена полная картина ее состояния и жизни. Материалы обследования интересны и тем, что они позволяют получить дополнительные сведения о бывшем имении, т.к. со времени революции времени прошло не так уж много, и оно сохранилось почти в прежнем виде.

На момент обследования в коммуне состояло 15 семей с 69 едоками, из которых 36 были трудоспособными, а 8 – подростки в возрасте 13-16 лет. За время, прошедшее с момента организации коммуны, одна семья была исключена «за воровство», а две убыли «в качестве беженцев». Подавляющее большинство коммунаров были в прошлом батраками, к таковым относилось 11 семей. Помимо них в коммуну вступила одна семья малоземельного крестьянина и две «городских полупролетариев». Назначение земельных угодий по сравнению с бывшим имением почти не изменилось: коммуна имела 156 десятин пашни, 55 десятин лугов и 42 десятины выгона; леса после революции отошли в Государственный лесной фонд. В хозяйстве поддерживалась травопольная система с 9-польным севооборотом, и коммуна даже сумела на 36 десятинах расширить посевные площади. Ряд угодий требовали проведения мелиоративных работ, но на это не имелось средств, и «прежние канавы пришли в полную негодность». «Постройки жилые и холодные, - отмечала комиссия, - пришли в большинстве в полную негодность. Ремонт требуется капитальный и средний, а средств у коммуны на полный ремонт недостаточно. Произведен частичный ремонт кузницы, каменных и деревянных амбаров, частично – гумна... Плачевное состояние жилых помещений, несомненно, влияет и на внутренний уклад жизни коммуны. Комнаты тесные, стены покосились, стекол нет. Хотя коммуна поставлены печи, сменены балки, частично полы – этого недостаточно. Коммуна никак не могла получить леса на ремонт, т.к. УЗУ не оказало никакого содействия...».

Трудность заключалась и в том, что время становления коммуны пришлось на годы гражданской войны, и она, как все крестьянские и коллективные хозяйства, была вовлечена в систему продразверстки и обязана была сдавать по установленным нормам (и сверх них) значительную часть полученной продукции государственным органам. За четыре года (1918-1921) коммуна «Высокое» сдала государству, местным продорганам и другим учреждениям 1482 пуда 28 фунтов ржи, 204 пуда 20 фунтов ячменя, 834 пуда овса, 486 пудов вики, а кроме того, сверх нормы в 1919 г. выдала Опочецкому упродкому 55 пудов соломы, детскому дому – 30 пудов капусты, воинской части – 60 пудов сена, а в 1921 году в пользу «голодающих детей Поволжья» - 21 пуд картофеля.

«В 1918 году отношение населения к коммуне было явно враждебное, - отметила комиссия, - теперь этого нет... С местным населением поддерживаются доброжелательные отношения. Коммуна оказывает беднейшей части крестьян всяческую помощь через свои мастерские, путем обмена семян и помощью на полевых работах. Так, в 1918 году один член коммуны с лошастью работал на поле

безлошадной крестьянки в деревне Тарасова Гора. В 1920 году двое с четырьмя лошадьми пять дней работали в Укроповской сельхозартели, этой же артели отпущено 16 пудов семян ржи, Петровскому совхозу в 1919 году безвозмездно отпущено два воза сена и 50 пудов соломы Климешинскому совхозу. В 1921 г. для семей красноармейцев в деревню Тарасовка на четыре дня была дана лошадь. В 1920 году в «Неделю крестьянина» два кузнеца работали для крестьян семь дней, четыре лошади и двое рабочих два дня бесплатно перевозили для УЗУ семена и сельскохозяйственные орудия». Помимо всего прочего коммуна содержала двух стипендиатов в Опочечком техникуме.

Ко времени обследования еще не весь полученный урожай был коммунарами обмолочен, но, по предварительным подсчетам, хозяйство должно было в 1922 году получить 4500 пудов ржи, 6500 пудов клеверного сена, 1350 пудов ячменя (75 пудов с десятины), 1100 пудов овса, а также большое количество гороха, гречихи, картофеля, чем обеспечивалось содержание самих коммунаров и имевшегося животноводческого стада.

В итоге комиссия пришла к выводу, что коммуна «Высокое» является жизнеспособной, хотя и отметила отсутствие всякого руководства со стороны УЗУ, что «сказывается на всей жизни коммуны», а также отсутствие налаженного учета и отчетности в самой коммуне: «из посемейного списка не видно, каково занятие каждого члена коммуны, анкет не имеется, собрания крайне редки. Непонятно, на какие средства приобретались орудия, производился ремонт», «не велось никакой культурно-просветительской работы, не получено за последнее время ни одной газеты».

Комиссия обратила внимание и на то, что хозяйство не во всем соответствовало статусу коммуны, где «все и вся» должны быть общими. Между тем, в личной собственности коммунаров находилось немалое количество скота: 14 свиней и 30 подсвинков, 15 взрослых овец и 12 ягнят. Отчасти это объяснялось «отсутствием помещения для общего свиарника и овчарника». «Но вряд ли это главная причина, - заметила комиссия. — Дело в том, что и обедают семьи отдельно, отдельно готовят, что тоже только отчасти можно отнести за счет непригодности помещений, а главная причина — полное отсутствие руководства и культурно-просветительской работы». Поэтому, заключила комиссия, действительное состояние коммуны «больше соответствует артели: пока есть собственность — нет коммуны», и поэтому рекомендовала «переименовать ее в сельскохозяйственную артель».⁴

Остается неизвестным, состоялось ли официальное изменение статуса хозяйства, но в ряде документов 1920-х гг. «Высокое» именовалось «сельскохозяйственной артелью», иногда — «сельскохозяйственным коллективом», а чаще всего — по-прежнему коммуной.⁵

Жизнеспособность ее во многом объяснялась добротной первичной материальной базой, каковую составило бывшее имение, хотя в истории Псковской губернии 1920-х гг. было и немало обратных примеров. Не редкими были случаи, когда созданные на базе прежних «образцовых» имений коммуны и артели за короткий срок «проматывали» доставшееся им от прежних владельцев и быстро распадались. То, что в «Высоком» сумели сохранить скот, инвентарь, имущество и поддержать хозяйство на должном уровне, объясняется, видимо, и

другими причинами: возможно, наличием хорошего руководства в самой коммуне.

Со стороны бывшего владельца П.А. Яновича, проживавшего в своей бывшей усадьбе, никаких попыток «вредительства» не замечалось. Не было оснований упрекнуть его и в том, что ставилось в вину другим бывшим помещикам. Многие из них, получив по закону земельные наделы установленного размера, пытались разными способами расширить их, или же сдавали землю в аренду крестьянам, обрабатывали ее наемным трудом и т.п. П.А. Янович же, являясь членом коммуны, надела вообще не имел, как и «имущества сельскохозяйственного значения»: все отошло коммуне. И тем не менее, когда в 1924-1925 гг. в губернии проходила кампания по выселению из бывших усадеб их прежних владельцев, дошла очередь и до него.

Опочецкая уездная комиссия в марте 1925 года приняла решение оставить П.А. Яновича в имении, но постановление губернской комиссии в мае того же года оказалось иным: «Выгнать из артели, выселить из имения, как антисоветский элемент». Первоначально решено было выселить его лишь из бывшей усадьбы, оставив «в пределах Опочецкого уезда», однако в июне 1925 года Псковский губисполком постановил: «Считать необходимым произвести полное выселение из пограничных уездов в другие уезды губернии всех бывших помещиков, находящихся в принадлежавших им до Октябрьской революции имениях. В остальных уездах производится переселение в порядке заключения комиссии. Наиболее злостных выселить из пределов губернии...». Поскольку Опочецкий уезд считался пограничным, то участь П.А. Яновича была решена: 7 сентября 1925 года было произведено его выселение. Согласно Декрету ЦИК и СНК от 20 марта 1925 года в случае выселения подлежали изъятию «имущество сельскохозяйственного значения, постройки и инвентарь», оставлялись прежним дворянам только мебель, одежда, книги, домашняя утварь и продукты питания, которые «отобратию не подлежали».⁶ Поскольку у П.А. Яновича другого ничего уже не было, то принадлежавшее ему личное имущество он при выселении вывез.

Побывавшие через три года после этого (1928 год) в коммуне члены новой комиссии (два агронома и инструктор) в опубликованной по итогам визита статье не преминули еще раз «уколоть» бывшего дворянина:

«На месте коммуны «Высокая» до революции было поместье помещика Яновича. После октября 1917 года Янович организовал коммуну из бывших своих рабочих; вошли в коммуну также кое-кто из деревенских крестьян. До октября 1925 года Янович хозяйничал, как ему заблагорассудится, словно бы революции и не было. Двухэтажный дом, где в настоящее время живут 12 семейств коммунаров, до октября 1925 года занимал один Янович, а коммунары ютились в полуразвалившихся службах; у каждого «коммунара» было обособленное хозяйство. Одним словом, ничто решительно не напоминало коммуны. И только в 1925 году удалось все обобществить. Конечно, были противники обобществления, пришлось их из коммуны исключить, и только после этого жизнь пошла по-новому. Янович же из коммуны выбыл в 1925 году и не с пустыми карманами: увез на 50 подводах добра, принадлежащего коммуне».⁷

Как показало это новое обследование, коммуна «Высокая» и через десять лет после своего образования представляла собой вполне благоустроенное хозяйство.

Число семей коммунаров, правда, не увеличивалось: в 1928 году в коммуне по-прежнему состояло 15 семейств с 87 едоками и 43 трудоспособными, но зато увеличилась земельная площадь. Всего в распоряжении коммуны имелось 340 га земли, из которых 210 га занимала пашня, 60 га – луг, 11 га – выгон. По-прежнему практиковался 9-польный севооборот, угодья засеивались преимущественно зерновыми культурами, но постепенно в яровой клин стал внедряться и лен: сначала на площади 2 га, а в 1928 году было посеяно уже 16 га. Урожай хлебов, несмотря на неблагоприятные погодные условия 1928 года (вымочка посевов от переувлажнения, сильное градобитие), был выше, чем у окрестных крестьян, хотя и ниже предыдущих лет. Так, урожай ржи составил в среднем 6,9 ц с га, овса – 6,5 ц, льноволокна – 1,15 ц, в то время, как на крестьянских полях урожайность ржи составляла всего 2,45 ц, овса – 3,3 ц, льноволокна – 0,65 ц.

В распоряжении коммуны имелись уже трактор «Фордзон», сложная молотилка, 24-рядная сеялка, два триера, сортировка, не говоря уже о более простых орудиях: плугах, косилках, конных граблях, боронах и др. Надворные постройки, правда, по-прежнему нуждались в ремонте, а поскольку коммуна занялась возделыванием льна, то было построено мочило и оборудовался мяльно-трепальный пункт с льномялкой и тремя трепальными колесами. Пополнилось и животноводческое стадо: на фермах числилось 15 рабочих лошадей, 29 дойных коров, 20 голов молодняка, 16 свиней и такое же количество двухмесячных поросят, 43 головы овец и ягнят. По сравнению с 1922 годом улучшилась организация труда. Каждому рабочему было установлено определенное количество рабочих часов в месяц, в случае перевыполнения нормы выдавался добавочный продовольственный паек. При распределении работ учитывалась пригодность каждого рабочего к тому или иному виду работ. На каждого едока выдавалось в месяц: взрослому рабочему-мужчине 20 кг ржи, женщине – 16 кг, подростку – 8 кг, остальные продукты выдавались примерно в такой же пропорции.

Но, как и шесть лет назад, члены комиссии и на этот раз сокрушались, что не все в коммуне соответствует ее статусу: «Живут коммунары каждое семейство в отдельности, размер жилья соответствует числу членов семьи; в каждой квартире имеется плита для варки пищи. Коммунары сознают, что много тратится зря времени на варку пищи для каждой семьи особо и мечтают об устройстве общей кухни и столовой. Но на это требуется до 500 руб., а таких средств у коммуны нет». Отметив, что «культурно-просветительная работа почти не ведется, хотя для этого и есть помещение», комиссия в качестве положительных моментов констатировала то, что «дети учатся в школе, находящейся рядом в селе», а «отношение окрестного крестьянства к коммуне... изменилось в лучшую сторону», но она сама нуждается в помощи и поддержке для проведения ремонта, организации общественной кухни и столовой, приобретения нового трактора и др.⁸

С началом сплошной коллективизации, в конце 1929 года в редакцию «Псковского набата» поступило несколько жалоб на «искривление» руководством коммуны «классовой линии»: председатель коммуны Рокачев, якобы, травит члена коммуны – батрачку, зажимает самокритику, допускает факты бесхозяйственности, граничащие с «вредительством» (сгнили 8 т капусты, корма

из-за отсутствия специальных кормушек раскладываются скоту прямо под ноги), а супруга его, являясь председателем сельсовета, «регистрирует кабальные сделки на батраков и землю». Редакция газеты выслала на место своего представителя для проверки поступивших «сигналов», а затем руководством Опочецкого района была создана специальная комиссия, вскрывшая факты «бесхозяйственности и искривления классовой линии» в коммуне «Высокое». Бюро райкома ВКП(б), заслушав сообщение комиссии, постановило Рокачева от руководства коммуной освободить, а за «оскорбление члена коммуны» отдать его под суд, «материалы по искривлению классовой линии председателем сельсовета Рокачевой» передать в окружную контрольную комиссию, тщательно проверить «чистоту коммуны».⁹

Начала складываться, таким образом, не вполне здоровая обстановка, а в процессе коллективизации постепенно многообразие форм кооперации и коллективных объединений места не оставалось: единственной формой оставалась сельхозартель. Таковой стала и коммуна «Высокое», с самого начала своего существования имевшая ряд признаков артели. Остается только поражаться ее жизнеспособности в течение относительно долгого времени в статусе коммуны.

До наших дней от прежней усадьбы «Высокое» сохранилось немного: несколько полуразрушенных каменных хозяйственных строений, остатки парка, зарастающий пруд.

Примечания

¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф.203. оп.1. д.23. лл.50-51

² Псковский набат. 1922. 5 ноября

³ ГАПО. Ф.203. оп.1. д.165. лл.2,28

⁴ Псковский набат. 1922. 5 ноября

⁵ ГАПО. Ф.203. оп.1. д.23. лл.50-51; д.165. лл.2,28,37; Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф.2. оп.1. д.254. л.6

⁶ ГАПО. Ф.203. оп.1. д.41. л.39 об.; д.165. лл.17,28,37,52; ГАНИПО. Ф.1. оп.1. д.397. л.64; ф.2. оп.1. д.254. л.10

⁷ Лен-конопля. 1928. № 23-24. С.37

⁸ Там же. Сс.37-38

⁹ Псковский набат. 1930. 5 января